

Глава 1

Одно из величайших достижений цивилизации, выстоявших на всех ветрах перемен, доступное каждому, невзирая на уровень материального достатка, — бесплатная примерка одежды. Время от времени я посещаю супердорогие бутики и примеряю все, на что ляжет глаз. Покупаю вещи редко. Что-то не к лицу, а что-то не по карману. Тем не менее примерка доставляет мне удовольствие. Это, так сказать, стимулирующий процесс.

И сегодня я не могла отказаться от удовольствия почувствовать себя моделью, подчеркнуть достоинства своей фигуры, а может быть, даже намеренно выставить их напоказ. Во всяком случае, от продавщиц я услышала немало восторженных слов и уловила достаточно восхищенных взглядов покупателей, чтобы понять: это платье — мое. Я сроднилась с ним сразу, едва надела, и почувствовала, что эта примерка — ради покупки.

До Нового года оставалось несколько дней, и торжественная вечерняя классика

была как нельзя кстати. Черный бархат, роскошная серебристых тонов вышивка, шнуровка на фоне открытой спины...

— Вы могли бы отложить это платье на два часа? Я не рассчитывала на эту покупку, но...

— Конечно-конечно. Вам оно так идет, — ответила продавщица. — Оно у нас в единственном экземпляре и сшито, словно на вас...

Я ехала в офис рекламного агентства «Алькор» за зарплатой. Предыдущий месяц был для меня очень удачным, заказы сыпались как из рога изобилия, и мое вознаграждение за заключенные договоры достигло рекордной отметки. Я испытывала особое удовлетворение еще и оттого, что в последнее время, занимаясь поиском клиентов, я не прибегала к своим экстра-сенсорным способностям.

Жизнь преподнесла мне строгие уроки: мой сверхъестественный дар надо использовать только в борьбе с нечистой силой, а во всех других случаях — личных и служебных — на него наложено табу.

Ольга Антоновна Калинова работала рекламным агентом, и это у нее неплохо получалось. У Ольги был любимый человек, который знал, что ее хобби — охота на ведьм, и мирился с этим, как и с тем чуда-

чеством, что она часто говорила о себе в третьем лице.

Я, Ольга Калинова, собиралась встретить Новый год с ним, с Александром, поэтому хотела выглядеть на все сто процентов.

Чувствуя, что мои биоритмы находятся в точке максимального подъема, я зашла в офис и почти вприпрыжку поднялась на второй этаж. Очереди к заветному окошечку кассы не было, безлюдный коридор зародил смутное предчувствие. Мне показалось, что если я не куплю сегодня же вечернее платье, в котором намеревалась встретить Новый год, то следующий год станет для меня роковым. Страшная догадка о том, что зарплаты сегодня не будет и платье перехватит кто-то другой, заставила меня лихорадочно думать, где раздобыть нужную сумму, у кого занять недостающие деньги.

Размышляя только об этом, я открыла дверь своего кабинета. Там почему-то были наш директор и еще два незнакомых мне человека.

— Ольга Калинова? — спросил высокий черноволосый тип, и я ему кивнула, решив, что это заказчик. — Мы вас давно ждем. Вот и дождались...

Второй, такой же высокий, но русоволосый, молча подошел ко мне и... защелкнул на моих руках наручники. Я ни-

чего не успела сообразить и тем более предпринять.

— Не вздумайте пускать в ход свои магические чары. Мы кое-что в этом понимаем и не попадемся в ваши сети, — сказал русоволосый, по всей видимости, испытывая огромное удовлетворение от того, что ему удалось надеть на меня оковы. — Пройдемте на выход. Ожидание отняло у нас много времени!

— Что за шуточки? — возмутилась я, еще не понимая, насколько серьезна ситуация. — Кто вам дал право? К чему эти «браслеты»? Что происходит?

Надменный взгляд черноволосого и самодовольная усмешка русоволосого не оставляли надежды на то, что я смогу получить ответ на свои вопросы. Им казалось, что я и так все понимаю.

Вениамин Борисович, директор нашего рекламного агентства, виновато опустил глаза и развел руками. Я поняла, что надо подключать свое ясновидение, чтобы разобраться в происходящем. Меня не оставляла мысль, что это какой-то дурацкий, ужасно не смешной розыгрыш, предпринятый сотрудниками за несколько дней до Нового года, но подсознание пустилось в спор с сознанием. Внутренний голос сказал: «Все очень серьезно. Это не шутка, тебя хотят обвинить в серьезном преступлении. Самое лучшее, что

ты можешь сделать, — это взвешивать каждое свое слово, чтобы не наговорить лишнего».

— Молчишь? Это хорошо, — продолжил русоволосый. — Твои абракадабры, или как там еще... заклинания, наверное, это так называется, здесь ни к чему. Итак, следуй за нами.

Наговатый парнишка подтолкнул меня в спину. С его лица не сходила презрительная усмешка. Черноволосый мысленно одобрил своего коллегу, а Вениамин Борисович так и не поднял на меня глаз. Это было похоже на страшный сон, но происходящее, увы, было реальностью, пусть нелепой, но все же явью.

— Простите, вы кто такие? Почему на меня надели наручники? — Несмотря на внутренний голос, советующий держать язык за зубами, я задавала новые вопросы, даже не думая двигаться с места. — Вениамин Борисович, кто эти люди?

Чернявый приблизился ко мне и сунул под нос какое-то удостоверение. Сфокусировать зрение на нем на таком близком расстоянии не было никакой возможности, а нервное перевозбуждение мешало раскрытию полного ясновидения. Директор агентства по-прежнему молчал, зато черноволосый убрал «корочки» во внутренний карман кожаной куртки и произнес:

— Ольга Антоновна Калинова, у нас есть все основания полагать, что вы причастны к хищению крупной суммы денег. Нам известно, что вы обладаете парапсихологическими способностями, поэтому можете оказать воздействие при задержании. Наручники — мера вынужденная, но... Короче, хватит сверлить меня своим магнетическим взглядом, пройдемте на выход!

Я действительно смотрела на этого человека, пытаясь проникнуть в глубины его подсознания, и мне это удалось. Он подозревал меня в том, что я «взяла» кассу «Алькора», используя свой экстрасенсорный дар. К сожалению, происходящее со мной было не гнусным розыгрышем, на который можно обидеться, но ненадолго, а серьезным обвинением, которое быстро не опровергнешь. Двое мужланов, русый и черный, ни за что не поверили бы моим честным глазам и искренним словам, отрицающим причастность к преступлению. Ольга Калинова не сказала больше ни слова. Я вышла из кабинета с высоко поднятой головой.

И вот тут, по закону подлости, в коридор высыпал, наверное, весь персонал нашего агентства. Сюда я шла, окрыленная предвкушением покупки вечернего наряда, и по пути мне никто не встретился. ■ А вот теперь, когда я ухожу, скованная

противными железными «браслетами» и униженная серьезными подозрениями, все, как назло, здесь. Никто из моих сотрудников не сомневался, что именно я решила оставить всех без честно заработанной получки в канун новогодних праздников, предполагающих безумную трату денег. И с этими людьми рука об руку пришлось работать несколько лет!

Я шла сквозь строй сослуживцев и читала их мысли... «Как она могла! — думала Нина Ивановна, наш главбух. — Зачем же воровать у себя?» Секретарша Таня была более категорична: «Я так и знала, что рано или поздно она нас всех одурачит! Ненавижу ее, по милости Калиновой осталась без копейки. Тварь!» Игурдин, наш зам, некогда влюбленный в меня, сочувственно качал головой и думал: «Жаль, что так все вышло. Зачем тебе столько денег? Они ведь уйдут, как пришли. А вот без наручников можно было и обойтись...»

Мысли остальных сводились к нецензурному выражению своего отношения к моей скромной персоне, поэтому их я не осмелилась бы произнести вслух. Обидно! Наверное, этот день, точнее, этот час, а еще точнее, эти три минуты позора мне запомнятся на всю оставшуюся жизнь!

Парни со мной не церемонились. Русоволосый впихнул меня на заднее сиденье «шестерки» и уселся рядом, чернявый

обустроился с другой стороны. Надо сказать, что садиться в машину со связанными руками, с сумкой, упавшей с плеча и путающейся в полах длинной дубленки, и выглядеть при этом грациозно практически невозможно. Я думала о том, как это смотрелось со стороны, потому что сотрудники прильнули к окнам. Для них шоу весьма эффектно закончилось, а для меня продолжалось.

— Попалась, птичка. — Русоволосый почему-то считал себя вправе словесно унижать меня. — Признайся, что ты не ожидала такого быстрого конца. Скоро клетка захлопнется, настоящая клетка...

Огромных усилий стоило сдерживать свои поистине неограниченные экстрасенсорные способности. Мой попутчик, сидящий справа, противно хихикал, и мне ужасно хотелось навсегда отбить у него охоту испытывать положительные эмоции. Было бы вполне достаточно приставить к нему одну-единственную мыслеформу, и мужчина лет тридцати стал бы импотентом. Вряд ли в этом случае он так же хихикал бы, упиваясь собственной значимостью! Сейчас он считал, что ему удалось задержать особо опасную преступницу, обладающую паранормальными способностями, и это его забавляло. А что было бы потом, когда моя мыслеформа ■ проявит себя? Ничего хорошего, и преж-

де всего для меня. Я просто-напросто доказала бы, что способна использовать свой дар во зло. Как ни хотелось, но покушение на интимную сторону жизни омерзительнейшего типа не состоялось.

Мое молчание ослабило пыл его красноречия, и после еще нескольких словесных выпадов, оставшихся без внимания с моей стороны, русоволосый наконец заткнулся.

Водитель милицейской «шестерки» и черноволосый предпочитали молчать. Я чувствовала, что они меня побаивались, ожидая, что в любую минуту я могу выкинуть какую-нибудь паранормальную штучку. Но это не входило в мои планы. Я собиралась глубже проникнуть в подсознание чернявого, чтобы узнать, откуда взялись подозрения. Подобная читка информации не вызывает никаких ощущений у носителя этой информации, поэтому всем казалось, что Ольга Калинова бездействует. Очень наивно было так думать. Мне удалось узнать многое.

Во-первых, стало ясно, что все сотрудники, узнав, что у кассирши отобрали странным образом сумку с деньгами, в один голос предположили, что это сделала я. А во-вторых, оказалось, что мы едем не в отделение милиции, а ко мне домой, чтобы произвести там обыск.

Последнее обстоятельство меня рас-

строило — светиться с «браслетами» перед соседями совершенно не хотелось. К тому же генеральная уборка в квартире уже давно не проводилась, и приглашать туда гостей я бы не осмелилась. «А ведь, кроме ментов, будут еще и понятые! — пронеслось в моей голове. — А ну и пусть! Это даже хорошо. Стало бы гораздо обидней, если бы дома все было «чики-чики», а эти блюстители порядка перевернули бы все вверх дном, не пожалев моих трудов. Ладно, пусть работают, ищут неизвестно что, никаких денег там все равно нет и быть не может. Они будут делать обыск, а я — думать, что же предпринять, какую линию поведения выбрать».

Я прекрасно понимала, что легко и просто подозрения с меня не снимут, значит, надо суетиться самой и не только на словах попытаться доказать свою невиновность, но и подключить кого-нибудь из влиятельных лиц к этому расследованию. Я вспомнила о праве на один телефонный звонок.

На ум сразу пришел отец моего приятеля Васи́ка, для которого практически нет ничего невозможного. Но, увы, Васик уехал с женой Ниной на рождественские каникулы куда-то за границу и отключил мобильник. Недавно я пыталась ему позвонить, но мне это не удалось.

Е. Савина

■ Потом я подумала о муже моей луч-

шей подруги — Петре Костюкове, опере, майоре милиции, но и тут был облом. Петр лежал в больнице с легким ранением руки, и беспокоить его в таком состоянии казалось мне неприличным.

После напряженных раздумий я поняла, что могу рассчитывать только на себя, причем о своих экстрасенсорных способностях мне лучше всего забыть. Но это еще не повод для паники! Мне было только жаль, что сорвалась покупка вечернего платья.

Около подъезда меня тоже ждала засада. Мои сопровождающие испытывали гордость оттого, что им повезло больше, чем коллегам. Русоволосый вышел из машины первым и театрально распахнул передо мной дверь. Естественно, я не собиралась вылезать на всеобщее обозрение, пока на моих руках оставались наручники. Черноволосый перехватил мой взгляд, обращенный на оковы, и позвал русого:

— Санек, кажется, девушка обещает не делать глупостей, сними браслеты. Они ей не идут.

Русый долго ломался, вынув из кармана ключи и перебрасывая их из одной руки в другую.

— А я не слышал ее обещаний, вот и опасаясь, как бы фокусы не стала нам показывать. Ты, Гриша, забыл, что про нее в «Алькоре» рассказывали?

Чернявый молчал, но мне удалось прочитать его мысли. Он запоздало осознал, что надевать на меня наручники у них не было никакого права. Понял это и Санек, хотя не подавал вида и продолжал играть у меня на нервах. Ключи упали на асфальт. Санек медленно за ними нагнулся, а в этот момент около «шестерки» остановился миллицейский «уазик». Гриша покосился на наручники и чертыхнулся, а Санек, увидев свое начальство, мгновенно перестал играть с ключиками и залез обратно в машину, чтобы меня расковать.

— Не надо, мне понравились эти «железки», — я отодвинула руки. — Хочу домой пойти в них. Чего мы ждем?

— Хватит ломаться. — Санек резко потянул за рукав дубленки. Хочу не хочу... Давай сюда руки!

— Ну вот, теперь на руках останутся синяки, — в моем голосе было больше воодушевления, чем сожаления. — Надо думать, прежде чем делать глупости. Кажется, вы не имели права надевать «браслеты». Начальство вас не похвалит.

Я сидела в своем любимом кресле и спокойно наблюдала за обыском. Самое неприятное было уже позади. Наручники

сняли. Передо мной сначала извинился майор Попыкин, приехавший на «УАЗе», а потом извинения выдал из себя и Санек. В них не было ни капли искренности — скорее больше презрения к моей скромной персоне, подозреваемой в ограблении кассира фирмы, в которой я работала. В понятия пригласили людей, которых мне прежде никогда не доводилось видеть, поэтому в их присутствии я не испытывала никакого дискомфорта.

— Ольга Антоновна, пусть ребята здесь работают, а мы с вами поговорим на кухне. Не возражаете? — спросил Попыкин заискивающим тоном.

— Если все банки с крупами там уже проверили, то не возражаю, — съязвила я, но майора это ничуть не задело.

— Проверили. Ребята свое дело знают. Скажите, Ольга Антоновна, где вы сегодня были с одиннадцати до двенадцати часов дня? С кем общались?

Не надо быть ясновидящей, чтобы понять — именно в это время у Натальи Михайловны отобрали деньги. Теперь речь шла о том, есть ли у меня алиби. Я наконец-то начала осознавать, что по уши вляпалась в криминальную историю, и больше всего меня интересовало, почему со мной это произошло. Наручники, обыск, допрос, алиби, протокол — все это было для меня так не типично! Гораздо привыч-

нее — введение в транс, выход в астрал и другие экстрасенсорные штучки. А главное, Ольга Антоновна Калинова всегда была по другую сторону линии фронта.

— Как понимать ваше молчание? Вы не можете вспомнить, где были несколько часов назад, или... — Попыкин многозначительно замолчал, окидывая взглядом мою скромную кухню.

— Я думаю о том, стоит ли мне отвечать или лучше сделать это в присутствии адвоката, чтобы больше не было таких досадных оплошностей, как вы, Денис Денисович, изволили выразиться, — я показала на синяк, оставленный наручниками. — Наверное, надо показаться врачу, чтоб он зафиксировал сей грустный факт...

Мне почему-то захотелось повалить дурака. Не было сомнений, что мое алиби подтвердят в бутике «Николь», где я провела полдня. Сначала решала там вопросы по рекламе, а потом примеряла вечернее платье. Бесцеремонность правоохранительных органов, несмотря на принесенные извинения, задела мое самолюбие, вот я и не спешила с ответом.

— Плохая у вас память. А я хотел спросить, что вы делали два дня назад... Но, похоже, вспомнить это — для вас совсем сложная задача. Так? — Попыкин смотрел мне в глаза, не боясь, что я стану воз-
■ действовать на него своим магнетическим

взглядом. — Хоть бы соврали что-нибудь... Обычно в таких случаях говорят, что просто гуляли по городу, но не встретили никого из знакомых.

— Зачем? Я прекрасно помню, где я была и с кем общалась.

Денис Денисович наклонился ко мне и сказал почти шепотом:

— Мне о вас кое-что известно. Вы, Ольга Антоновна, не раз нам помогали...

— Вам, майор, я не помогала, да и сейчас такого желания у меня нет.

— Обиделись, значит. — Попыкин отклонился обратно. — Мне помочь не хотите, тогда помогите себе. За последний месяц было уже семь похожих нападений на кассиров, и теперь благодаря вашим, между прочим, сотрудникам вы подозреваете во всех этих эпизодах. Чем вы коллегам своим так насолили?

— Вот это действительно удар в спину, — призналась я. — А вас, Денис Денисович, я что-то никак не пойму. Вы подозреваете меня или нет? Уж простите меня, я невольно влезла в ваше подсознание, но и там сплошной сумбур...

— Это так, я на вас надеюсь и в то же время чего-то опасуюсь. Мне многое о вас, Ольга Антоновна, известно. Вы занесены в картотеку лиц, обладающих экстра-сенсорными способностями...

— Проще говоря, я у вас на крючке.

— Ну зачем же так грубо? У нас о вас имеется только хорошая информация! Вы оказали содействие в раскрытии серийных угонов с магическим уклоном, — слово «содействие» меня покорило, потому что я просто-напросто раскрыла это дело. Это милиция, напротив, оказала мне содействие на самом последнем этапе. Акценты были явно смещены. — Затем вы помогли раскрыть целую банду, занимающуюся зомбированием людей. Так почему бы вам не помочь следствию и сейчас? Это ведь ваш профиль! Если я не ошибаюсь, вы называете себя охотницей на ведьм... Так поймайте ведьму, которая, используя парапсихологию, заставляет кассиров собственноручно отдавать крупные суммы денег, да еще говорить ей спасибо за то, что помогает избавиться от груза!

— Интересненькое дельце, Денис Денисович! — я заглянула в комнату. — Вы просите меня оказать содействие следствию так, будто на все сто процентов уверены, что я невиновна, но тем не менее обыск в моей квартире продолжается. Прямо-таки насмешка какая-то!

— Доверяй, но проверяй. — Попыкин хитро улыбнулся.

Е. Савина

Я смотрела на этого человека и удивлялась раздвоенности его личности, которая проявлялась во всем: и в словах, и в

поступках, и даже во внешности. У Дениса Денисовича были глаза разного цвета. Левый — серый, а правый — зеленый. Ямочка на подбородке, появляющаяся при разговоре, также свидетельствовала о раздвоенности характера. Во всяком случае, так утверждает физиогномика — наука, которая позволяет сделать психодиагностику человека по его внешности. Недавно я заключила договор на рекламные услуги с диагностическим центром, директор которого, Яснопольский Филипп Самсонович, как раз и был физиогномом. Он многое рассказал мне о моем характере, глядя лишь на черты лица. Я не могла с ним не согласиться.

Ольга Калинова имела большие, но глубоко посаженные глаза, что говорило об интересе ко всему происходящему и о стремлении изменить ход событий, если кажется, что он направлен не в ту сторону. Мои пухлые губы являли собой гарантию доброй, щедрой и нефальшивой натуры, хотя выдавали склонность к лени. Что касается моего носа, то он не поддавался краткому определению, что говорило о многогранности характера. Оказалось, что нос Ольги Калиновой почти идеален по своей форме, хотя чуть-чуть курносый и с легкой горбинкой. Это свидетельствовало о том, что обладательница подобной самой выдающейся части лица

умеет владеть своей энергетикой, ведет тайную внутреннюю жизнь, может быть капризной, а главное — она очень свободолюбива.

Такая характеристика показалась мне верной, и вот теперь, будучи самой собой, я вела внутренний диалог и не спешила отвечать на вопросы Попыкина. «Почему я попала в такую ситуацию? В чем причина того, что меня сегодня попытались унижить? Может быть, в последнее время я стала чересчур заносчивой? Сотрудники наперебой просили меня продемонстрировать мои экстрасенсорные способности, просто для того, чтобы развлечь их, но я категорически отказалась. У меня всегда было предчувствие, что мне не стоит демонстрировать свой дар перед сослуживцами, потому что ни к чему хорошему это не приведет. Так и вышло. Меня очень обидело то, что мне, охотнице на ведьм, предложили выступить в роли иллюзиониста на корпоративной вечеринке по случаю успешного окончания финансового года. Но это показалось им обидным. И вот меня взяли и подставили, да еще как! Записали в уголовницы».

Е. Савина

Попыкин устал от затянувшегося молчания и вышел в комнату, обыск которой подходил к концу. Присутствие майора больше не мешало мне копаться в глубинах своего подсознания, и вдруг меня осе-

нило. Я заиклилась на «Алькоре» и не заметила главного! Меня приняли за другую, за того, кто обладает сверхъестественными способностями и использует их для того, чтобы обогатиться, отбирая деньги у кассиров. Кажется, таким странным образом судьба вывела меня на тропу войны с очередной ведьмой.

У меня не было сомнений, что я должна найти ведьму-воровку и деньги, но помогать сотрудникам милиции, которые так грубо со мной обошлись, не хотелось. Наручники и обыск больно ударили по моему самолюбию. А Попыкин мне просто-напросто не нравился, и все тут! Даже наши биополя отталкивались друг от друга.

— Ну что, Ольга Антоновна, вы вспомнили, где были сегодня с одиннадцати до двенадцати дня?

— Я этого и не забывала. Полдня я провела в бутике «Николь», — вспомнив о платье, которое там примеряла, я тяжело вздохнула. — Это в районе станции метро «Баррикадная». Съездите туда, и вам не придется сомневаться в моем алиби.

— Ваши сотрудники говорили, что вы способны внушить человеку, чтобы он вместо вас видел кого-то другого. Это так? — Попыкин лукаво улыбнулся, он не верил ни одному моему слову. — А может быть, наоборот, в бутике был кто-то другой, но в вашем обличье?

— Это уже слишком! Там меня очень хорошо знают. Мы сотрудничаем не один год. Надо же такое сказать... В моем обличе! Хотя, конечно, экстрасенсорные способности человека неограниченны. Ищите настоящую воровку и узнаете, на что способна она!

— Значит, вы отказываетесь нам помочь? — Денис Денисович состроил кислую мину, на его подбородке снова появилась ямочка.

Я откровенно рассматривала лицо майора. О таких тонких губах, как у моего визави, физиогномика говорит, что они должны настораживать, потому что их обладатели оценивают других людей через призму собственной выгоды. Кто бы сомневался, что это так! Я вдруг поняла, что передо мной был разыгран настоящий спектакль, призванный перетянуть меня на свою сторону, взять в союзники. Наручники, извинения, обыск — все это был фарс, санкционированный прокуратурой.

Мое подсознание отпечатало внешность майора, и теперь я точно знала, набор каких черт лица несет в себе карьеризм и отсутствие искренности. При встрече с людьми такого типа подсознание будет сигнализировать мне об этом быстрее, чем обычный глаз разберется, симпатичен мне человек или нет.

Е. Савина

— Что вы меня так разглядываете,

Ольга Антоновна? — Денис Денисович даже потрогал рукой усы-щеточку, которые, кстати, являются признаком прагматичности. — Вас, наверное, удивляет разный цвет моих глаз? Некоторые даже спрашивают, не забыл ли я надеть одну линзу. Но это у меня от природы.

— Денис Денисович, мы закончили, — на кухню бесцеремонно ввалился русоволосый с сигаретой в зубах. — Хозяйка, можно здесь курить?

— Нет! — Я бросала курить, и табачный дым мог меня спровоцировать взять сигарету. — Нельзя!

— Саша, заканчивайте с протоколами, и все можете быть свободны. А нам с Ольгой Антоновной предстоит длинный разговор...

— Смотрите, Денис Денисович, как бы она вас в кого-нибудь не превратила, — довольный своей шуткой, Томченко оставил нас с майором наедине.

Глава 3

Едва я проводила всех непрошенных гостей, раздался звонок в дверь.

— Саша? Хорошо, что ты пришел, — на самом деле неожиданный визит Голявина меня несколько удивил, но я старалась не показать вида. — Проходи.

В последнее время наши отношения складывались непросто. Мы познакомились в конце лета в больнице, где я лежала с сотрясением мозга, а Александр меня лечил. После выписки наш роман развивался очень бурно. Голявин переехал ко мне, испортив отношения со своей матушкой.

Регина Сергеевна имела привычку вмешиваться в личную жизнь сына. И, разумеется, наши отношения она тоже сначала приняла в штыки. Стыдно признаться, но мне, с Сашиного согласия, пришлось поставить в подсознание пожилой женщины, горячо любящей своего сына, блокировку. В результате Регина Сергеевна забыла о моем существовании и не докучала своей ревностью, а когда нам довелось встретиться, буквально не видела меня в упор. Сашу сей факт шокировал, а схватка с соседкой-ведьмой, разворачивающаяся на его глазах, произвела не меньшее впечатление. В результате Голявин сделал шаг, который порой отделяет любовь от... ненависти. Мы расстались.

Через несколько дней он осознал, что моя блокировка не причинила его матушке никакого вреда. Нет, Саша не сделал шаг обратно от ненависти к любви. Мы начали все сначала. Теперь наш роман развивался не так бурно, зато с Региной Сергеевной мы подружились.

— Оля, не пытайся меня обмануть, — Голявин говорил, не поднимая на меня глаз, — ты изо всех сил стараешься показать мне, что ничего не произошло, но у тебя это плохо получается... Прости, мне все известно...

— Да? — я смутилась. — А откуда ты знаешь, что со мной произошло? Меня показывали по телевизору?

— Нет, просто я несколько раз звонил тебе на мобильник, он все время был отключен. Зная тебя, нетрудно предположить, что это значит, — уловив мой удивленный взгляд, Саша уточнил: — В прошлый раз ты долго не выходила на связь, когда гонялась за мертвыми душами в подземелье. Вот я и подумал, что ты снова начала охоту...

Мне тотчас вспомнилось, что я нажала на кнопку и отключила сотовый перед примеркой. Так я делала всякий раз, когда заходила в примерочную. Этот процесс для меня так много значил! Он был сродни священнодействию, которому ничто не должно мешать. Сегодня день был особенный. Желание обладать понравившимся вечерним платьем оказалось настолько велико, что я больше ни о чем другом и не думала. Естественно, забыла включить мобильник. А по возвращении в офис мне было и тем более не до того.

— Да, я его отключила, но разве это

повод для беспокойства? — мне и в голову не пришло, что Голявин может знать что-то больше.

Саша посмотрел на меня сочувственным взглядом и сказал:

— Я все знаю. Ты влипла в неприятную криминальную историю. Оля, я пришел тебя поддержать, а ты пытаешься водить меня за нос. Конечно, однажды я с недоверием отнесся к тому, что ты делала... но... это...

— Не надо снова про старое. Лучше скажи, что тебе известно сейчас, — я усадила Голявина на диван, а сама села напротив, в кресло. — Тебе сказали в «Алькоре», что я — воровка, да?

— Ну, не совсем так. — Саша замялся. — Я позвонил тебе в офис и попал на Игурдина. Оля, ты всегда о нем так плохо отзываешься. Ты говорила, что он к тебе придирается, а у меня о нем создалось совсем другое впечатление... Он расспросил, кто я, сказал, что ты попала в беду и что тебе сейчас очень нужна моя поддержка...

— А Игорь расшифровал, что это за беда, в которую я попала? Главное, кто виноват в этом?

Е. Савина

— Ну... В общем-то, да. Он сказал, что тебя обвинили в нападении на кассира. Я сразу понял, что это — чушь, и сказал ему об этом. Он со мной согласился.

Игорь обещал поговорить со своими сотрудниками, чтобы они взяли свои слова обратно...

— Как это мило! Саша, ты можешь представить себе, что я, ни о чем не подумывая, возвращаюсь от заказчиков в офис за зарплатой, на меня надевают наручники... Вот, смотри, даже синяк остался, видишь?

— Оля, я понимаю, что тебе очень плохо, поэтому я здесь. Скажи, чем я могу тебе помочь? — Саша поцеловал мою пострадавшую руку. — Только не прогоняй меня...

— Разве я тебя прогоняю? Пойдем на кухню, что-нибудь сообразим насчет ужина. Из «Алькора» со связанными руками меня доставили прямо домой, поэтому я не смогла зайти в магазин. — Открыв холодильник, я обнаружила, что он не совсем пустой. — О, да мы можем устроить целую пирушку. Оказывается, все не так уж плохо!

* * *

Меня очень удивил поступок Игурдина. Он оказался единственным человеком, кто поверил в мою невиновность. Взаимоотношения с Игорем Игоревичем также складывались непросто. Он влюбился в меня с первого взгляда, но я не смогла